

ВРЕМЕНА ГОДА

Блага осени

Вот уже солнышко вновь, отдаляясь от нас, покатилося по небу,
Нашу покинув сторонку, спешит поскорее на западе скрыться.
Глянь! Ежедневно от нас оно лучик за тучей все более прячет,
Так же и тени: они день-деньской все длиннее на землю ложатся.
Да и крылатые ветры гулять начинают опять понемногу
И, разгоняя остатки тепла, зашумели в лесах и лощинах —
Вот почему и становится воздух все больше прохладным,
Старость седую надеть полушубок торопит скорее.
Дряхлых он бабу и деда к печи раскаленной толкает,
Да и других разгоняет по теплым домам и избушкам —
Скушать горячего, что пожирней, или просто на углях похлебку.

Плачет земля безутешно — бедняга, насквозь вся промокла,
Да еще наши колеса ей спину, дождями омытую, вновь раздирают:
Там, где когда-то легко пара кляч провозила телегу с поклажей,
Нынче тянуть и четверке гнедых, погляди, удастся насилу.
Да и колеса едва на осях вращаются — стонут со скрипом,
Комья земли из-под них вылетают, и брызгает грязь на идущих.
Всюду поля под водою осенней сокрылись и пашни,
Ливень холодный совсем не щадит спины бедных прохожих;
Лапти с худыми сапожками воду по лужам хлебают,
Топкую грязь на дорогах меся, словно тесто в кадушке.
Ах, куда ж вы ушли, светлейшие лета денечки,
Когда мы оконца домов отворяли навстречу
Солнышку теплому, чувствуя радостный трепет душевный?
Словно какой-нибудь сон, что мы видим, глаза закрывая,
После же, по пробуждении, долго о нем и не помним, —
Так вот и радости доброго лета от нас исчезают.
Нынче-то слякоть да грязь булькает только под лаптем,
Словно кисель на огне, с громким чавканьем лишь пузырится.
Все, что летало-резвилось, всюю летний праздник справляя,
Иль копошилось в полях, или прыгало с радостным кликом,
Все, что, качая крылами, взмывало аж до поднебесья
И, налетавшись, досыта питалось зерном и жуками —
Все это нынче покинуло нас, улетев схорониться от стужи.

Наши поля теперь в трауре будто глубококом,
Прежних лишившись красот, уподобились древним кладбищам.

Смерть пронеслась по кустарникам и малым роцам;
Всю красоту их помяли, предали забвению дикие бури.
Ветви, под чьею листвою недавно птенцы уродились,
В гнездах пища и рыдая, как дети в своих колыбельках,
Где оперились и после резвились, носясь в поднебесье,
Пищу себе добывая без помощи матушки родной, —
Нынче ветвей не узнать: без листочков зеленых, как хворост,
Бьются они друг о друга, стучат, когда ветер взывает...
Там, где медведь загребал своей лапой медок из колоды,
Там, где медведица, глухо рыча, малых деток питала;
Там, где лоси испуганно вдаль убегают, хищников чуя,
Волки малюток своих грабежу да вытью обучают;
Там, где разбойники ястребы клушек-цыплят поклевали
И черный ворон гусят наших крал без стыда и пощады, —
Там, поглядите, отныне веселие сгнуло напрочь,
Только мерзавки-вороны вовсю прославляют осеннюю слякоть.
Певчие птички с напевом своим попрятались, кто куда может,
И беззаботно затихли, во сне коротая холодную пору.

Ах! Огородов красоты с зелененькой мягкой травкой;
Вы, молодые цветочки, весны неумная гордость, —
Ах, ну куда же пропала краса ваша с благоуханьем?!
Но погляди-ка: что нам показали сперва огороды-садоочки,
То зацвело и взросло поздним летом под солнцем лучистым;
Нынче все эти блага мы убрали в амбары, в чуланы —
Варим и жарим теперь, что лишь душеньке будет угодно.

<...>

И страшно слышать, как бабы грохочут своими горшками.
Кремень зубчатый, озабоченно всюду глаза, ищут Грита и Пиме,
Сельмике дует на трут, у печи на коленях склонившись,
Берге с Катрине песком котелки начищают усердно,
И, чтоб огонь заиграл под горшком, бабы, низко пригнувшись,
Выпятив губы, все дуют и дуют с натугою в жерло печурки;
Йеке с Магуже старательно колют на щепки сухие поленья,
Энскис дровишек успел притащить две большие охапки;
Только бездельник Дочис, усевшись у печки горячей,
Спит, облизнувшись во сне, да тихонько еды поджидает —
Ведь на обед петуха расторопная Асте уже оципала,
В печь посадила с десятков лепешек пшеничных...
Сладко зевал наш Дочис, облизнувшись опять в полудреме;
Вдруг верховой объявился посланец, с иголки одетый:
Весть он принес всем соседям, что Кризас зовет их на свадьбу.

Шапки немедля сваты тогда перед ним поснимали,
Благодаря за великую честь, и склонились в поклоне глубоком,
Кризаса дружно почтить и на свадьбу придти обещаю.
Вот и неделка прошла — в час назначенный званые гости
Стали на свадьбу готовить одежду да обувь получше:
Степас и Мерчис себе обновить башмаки не поскупились,
Йонас и Лаурас раньше еще сплели по паре лаптишек;
К свадьбе готовясь, коней разукрасили добро соседи;
Более всех и чесал, и купал свою сивку заботливый Энскис,
После ее оседлал, по бокам стремена, как обычно, приладив.
Так своего скакуна расфуфырил, любо-дорого глянуть,
Брюхо лошадке покрепче стянул новым кожаным ремнем
Да натянул пару новых сапог — и на свадьбу поехал..
Женщины сельские милых сынов проводить попросились,
Ибо их также на свадебный пир приглашает хозяин радушный;
И разрядились они в пух и прах, как гостям именитым пристало,
Но не по моде немецкой, как многие нынче прельстились, —
Нет, на литовский манер обрядиться любая из них пожелала.
Знаешь ведь, как наряжаются наши литовки с времен стародавних,
Чтобы при людях иль где на пиру показаться достойно:
Кики да длинные тканые шали замужние женщины носят,
Косы ж и венчик пристало носить только девам-молодкам.
Бабы, желать вам негоже прекрасных веночков девичьих!
Девы, а вам говорю — не гоняйтесь за кикой солидной бабьей!

Вот, как я сказывал, добрый народ, нарядившись по-барски,
К Кризасу в гости идет, безбожно шумя и горланя.
Кризас глубоким поклоном приветствует всякого гостя —
Тут же всех в дом пригласил, рассадив за столами радушно,
Для угощенья гостям приволок он большую бутылку доброй водки
И предложил милым сватам его за столом не стесняться..
Мать же невестина тут же им вынесла многие яства
И приглашенных на свадьбу с такою лихвой накормила,
Что из них кое-кто начал уж грубо шутить по-мужицки;
Некий болван за столом даже громко сболтнул непристойность.

Так, оказав предостойный прием добрым свадебным яствам,
Гости настоль разошлись, что орали всю несусветно;
Даже худые лошадки со страху заржали, мечась по сараям.
Глядь, в этот миг к ним опять верховой объявился посланник,
Что, проклиная коня почем зря, шпарил плетью бока его рьяно.
Ах ты, негодник! Почто животину так бьешь беспощадно?
Мало тебе, что конь с барщины еле живым воротился,
Ты ж его тяготы шпорой своею умножить желаешь?

Езжай потихоньку, болван, да не мучь жеребца понапрасну!
Знаешь ведь, завтра ему ехать в лес за дровами придется,
А послезавтра — тащить на себе и огромное барское брюхо...
Вот, как я сказывал, когда хлестал он коня по-мужицки,
Через ворота во двор прикатили тотчас молодые,
Коих святейший епископ венчал пред Престолом Господним,
Как то потребно, союз их скрепляя знамением крестным...

Тут же сбежались их родичи, с ними честные соседи,
И ну давай поздравлять жениха и невесту со свадьбой;
И на вкуснейшую трапезу к Кризасу в дом проводили.
Кризас с женою своей, совсем одряхлевшею бабой,
Лишь любовались на дочку, дождавшись свадьбы веселой —
Ибо Ильзбуге-дочурка была у них самой последней,
Но ведь и вышла-то замуж за шульца из Таукяя.

<...>

Много закусок мясных, приготовленных разнообразно,
Кризаса повар для свадьбы усердно да быстро так стряпал,
Что по всем улицам шум от работы стоял невозможный,
Даже Паулукас, сосед его, гомона очень того испугался.
Вот, приготовив похлебку, в котлы черпаки опуская,
Враз из печи вынимая жаркое румяное лихо,
Пятрас — тот повар, как сказано было — сготовил
Да пригласил долгожданных гостей за столом собираться.
Туше достала немедленно тонкую белую скатерть,
Длинный украсила стол, как положено издревле к свадьбе.
Быстрые после посланцы различной еды натаскали:
Вкусной свинины, говядины, также гусятины жирной,
Печеней, окороков — да еще много всяких горшочков...
С благоговением сваты сперва «Отче наш» прочитали,
По-христиански усевшись затем за столом необъятным;
Кризас любезно гостей своих потчевал, увещевая
Сколько угодно душе насыщаться, пить да веселиться.
И тут же Энскас, достав длинный нож из кармана,
Вызвался сочное мясо делить по кускам меж гостями;
Но по-господски с ножом обращаться ему было тяжело —
Грубо, как варвар, хватал он рукой куски сала большие
И, разрывая на части, бросал на тарелки соседям,
Ибо, упившись, как скот, о приличиях вовсе не думал.
Некие гости, хлебнувши чрезмерно винца или водочки доброй,
Так налакались, что больше на яства смотреть не желали;
Много других вышивох, под рукою ножа не имея,
Лапами в сало вцепившись, как звери его пожирали —

Так, что с усов и бород жир стекал, словно реки...
Мыслилось им: коль крестьянин гуляет у Кризаса в доме,
Так, дескать, нечего кланяться или вести себя тут по-господски.

И пока так наслаждались они, по обычаю буров,
Кризас воскликнул — и слуги тотчас пред гостями явились
Да на носилках втащили бочонок отменного пива;
Званные гости сбегались немедля для дела такого —
Кружки за пенистым пивом лишь тянут, лишь тянут;
Пиво густое, известно, легко людям в горло прольется,
Да и насытит собою желудок оно превосходно...

Вот наконец благородные сваты от пуза наелись
Да напились уже пива густого под самое горло,
А о молитве Господней, как нехристи, все позабыли —
И, будто свиньи арендные (стыдно обмолвиться даже!),
Стали визжать и вопить, непристойные песни горланя.
Стяпас вконец изолгался друзьям о раскормленных сивках,
Энскис нахваливал сильных быков своего господина;
Да и другие смеялись, вовсю отпускаючи глупые шутки...
Лаурас играл на дуде, надув покрасневшие щеки,
Йокубас, струну натянув, все пиликал на скрипке.
Знамо, Дочис пуще всех: нажравшись да выпив без меры,
Словно польский мешок, под скамейку внезапно свалился —
Гости сперва испугались, но в чувство пришли понемногу,
И на носилках пьянчугу снесли, чуть живого, на воздух.

Женщины тоже на свадьбе веселия не позабыли —
Ай да хитры! — так на хитрости бабы способны,
Что иногда водят за нос и самого хитрого бура...
Барбе и Пиме, Лаурене да с ней Пакулене
За угощением на водку даже взглянуть не желали,
Только весьма удивлялись, как милая может Кризене
Девушкам также теперь предлагать сей напиток противный.
Ну, а затем — лишь помысли, мой брате, что там учинилось!
Эти негодницы враз забрались в уголок поукромней,
Мигом достали бутылку ими раньше припрятанной водки —
И всего в несколько добрых глотков ее всю осушили!
После ж они без стеснения такие откалывать начали шутики,
Что их соседкам честным от стыда провалиться хотелось;
Барбе и Пиме вовсю голосили про лен на лужайке,
А Пакулене с Лаурене в честь кочета песню орали.
Те, что любезней хозяйки, подальше от них убежали,
Чтоб о семейных делах да хозяйстве болтать потихоньку:
Даке гусей своих хвалит, а Йеке — откормленных уток,

В общем, наврали друг другу о том, что на ум приходило;
Знаешь ведь, бабий обычай трепаться не ведает меры,
Если сойдутся они чего обсудить по хозяйству...

Тут с шумом-гамом ввалилась на свадьбу гурьба музыкантов,
И завели они песни на бурских своих инструментах:
Плицкюс играл на цимбалах, запиливал Кубас на скрипке,
Выпятив губы, напыжившись, дул в свою дудку Жнайрюкас.
Тут же и Энскис, собрав в кружок девушек милых,
Их призывал с пареньками хозяйскими в танец пуститься.
Клишис в дрянных сапогах обхватил захмелевшую Пиме,
Кайрюкас в лаптях хватать в объятя веселую Туше —
И, сотрясая полы, заплясали они по-литовски.
Да и другие — в башмаках ли нарядных плясали
Иль босиком — все дурачились, верхнюю сбросив одежду.
Знаешь ведь сам, что крестьянин, хлебнув через край на пирушке,
Часто глупейшие штуки отвешивать спьяну способен...

Благоволите ж послушать, что далее тут приключилось:
Двое соседей, не званных на свадьбу, внезапно приперлись —
Слункюс один был, другой лиходея прозывался Пеледа.
Кризас ругался, на чем свет стоит, на гостей нежеланных,
Да и старуха его, испугавшись страшного шума,
Тут же стонать да реветь принялась из-за тягостных болей.
Ведь некрасиво, когда человек на пирушку приходит незванным,
Где лишь желанных друзей угощать сам хозяин изволил...
Стой, безобразник! Не лезь, куда лезть не пристало!
Жди, пока Кризас тебя чрез посланника зреть пожелает
И, как соседа любезного, потчевать станет на славу!
А посему даже сваты — и те испугались такой суматохи,
Что и курить табачок уже были от страха не в силах,
Лишь обронули из рук свои добрые трубки-кисеты.
И музыкантишки тоже поддались большому смятенью
Да со своим инструментом звенящим тотчас под скамейки залезли;
Те, кто визжал-гоготал, разошедшись во пляске веселой,
Мигом затихли, немедленно глупые возгласы смолкли;
Песни о курицах, о петухах, о гусях и гусятах,
Речи о серых волках, о медведях, о телках хозяйских
Разом утихли по горнице из-за такого смятенья;
Гости чесали затылки, тихонько о том размышляя,
Что же им делать? Да только никто ничего не надумал,
Покуда Энскис, во злости схвативши полено побольше,
Слункюсу вместе с Пеледой по ребрам как следует вдарил,

После за чубы схватил — и вышвырнул подлых из дома.

И не дивитесь ничуть, коль подобные слышите речи:
Так же и баре, подчас напиваясь по-барски,
Бурские штучки, как мы, вытворяют с таким же бесстыдством.
Буров немало, известно, среди нас, что негодно являются людям,
И особенно на пире веселом таких можно видеть болванов,
Что христианское имя позорят своей болтовнею.
Но не подумаем также, что всяк господин благородный
Только лишь речи святые ведет да во всем поступает достойно —
Нет, сквернословов хватает среди них: когда выпьют чрез меру,
Шутку по-бурски таким отпустить совершенно не стыдно.
«Ах, — молвил Причкус, — я, будучи шульцом немалое время,
Нравы дворян да господ и занятия их изучил в совершенстве;
Много слышал я всего, да увидеть пришлось мне порядком...
Помнится, было недавно: надобно с грамотой барской
Мне поскорей к господину советнику главному съездить;
Много к нему этим днем собралось балаболов да пьяниц...
Я, как слуге подобает, с макушки убогую сдернул шапчонку
И, до земли поклонясь, подал грамоту барину в руки.
Ну а затем я вошел осмотреться в открытую кухню,
Чтобы узнать, каковы для гостей там готовят закуски;
Правда, привык я уже на глазах именитых господ появляться
И, находясь среди бар, не боюсь ни того, ни другого нисколько...
Дюжих троих поваров я мгновенно на кухне приметил —
Ястреба черного первый из них потрошил с ужасающим видом,
Цельную заячью тушку другой рвал ногтями кривыми,
Много живых червячков из желудка зверька доставая;
Третий, схватив две поганого вида посуды в руки,
Кучу противнейших жаб высыпал на широкое блюдо, —
Ведь эту дрянь наши баре теперь обожают безмерно...

От таких зрелищ мне к горлу тотчас тошнота подкатила,
И, ломанувшись за двери, сблевал я под новым забором.
Так, проблевавшись как следует, вновь к господам воротился,
Только о том умолчал, отчего то со мной приключилось —
Знаете ведь, как безбожно глумятся над буром дворяне;
Мало ль чего, так они бы еще меня поколотили.
Вот почему, воротясь, я тихонько засел в уголке,
Дабы оттуда глядеть, как честные дворяне пируют:
Новые блюда такие уже повара приготовить успели,
Что провоняла усадьба насквозь от их запахов мерзких.
Тут же и барские слуги сбежались к столу суетливой толпою:
Все что положено — вилки, тарелки, ножи — в момент притащили,

После устави́ли стол вареной да жареной снedyю.
Я же, крестьянские руки сложив на груди, ожидаю смиренно
Благочестивых молитв перед трапезой... — Вовсе напрасно!
Только гляжу: сотрапезники сели за стол без особой заботы
И, похватав свои ложки, о небе совсем и не вспомнив,
Глупый ведут разговор, уплетая заморские блюда...
Отроду мне безобразья такого видать не случалось!
Так я дивился, что чуть ли вопить от досады не начал;
Лишь поразмыслив, что здесь мне кричать не пристало,
Спрятавшись в месте укромном, я стал втихомолку ругаться,
Так бар словами отделал, что даже собаки на улицах взвыли:
«Ах, вы, безбожники! Ах, вы, тщеславцы! Ах, вы, толстопузы!
Стыдно ли вам свои руки сложить в благочестии добром
Да посмотреть в небеса перед тем, как кусок хватануть пожирнее?
Мы, заскорузлые буры, бедняги в худых лапоточках,
Всяк помыкать нами рад, а мы сносим труды да побои,
Только лишь коркой сухою свое насыщаем мы брюхо
Да захудалым кваском веселим свою бедную душу —
Но и за это Всеvyšнего мы ежедневно не раз восхваляем!
Вы же, бездельники, жирные яства одни поглощая
Да наполняя рейнвейном свои растолстевшие брюха,
Господа Бога и небо совсем помина́ть перестали —
Аль не боитесь нисколько икрой за столом подавиться?
Или что ваши дома Громовержец сровняет за это с землею?»
Так поразмыслил я — и, получивши ответ на посланье,
Вылетел в двери стремглав на подворье со страха большого
Да поскорее домой поспешил на коне я оттуда убраться».
«Ах, — молвил Сельмас, — поди, времена наступили лихие:
Всюду одно шельмовство да обман повсеместный гуляют;
Барин большой и слуга его — в пекло все лезут да лезут;
Этот, разважничавшись и по-господски надувшись,
Имя Господне стыдится хоть раз помянуть, а другие,
Чтобы ему угодить, унижают-поносят Творца беззаботно.
Барин и сам-то ослеп, в преисподнюю скачет галопом,
И своих верных он слуг ослеплению учит тому же.
Божий Пресветлый Глагол, украшение наших церквушек,
Набожных наших псалмов и молитв благочестных звучанье
Хуже таким ворогам, чем смердящий навоз перед носом.
Ломбер с театрами так ослепить да завлечь господина сумели,
Что его слуги, надзора не чуя, вконец распустились...
Где же благопристойность времен стародавних!»

Так меж таких разговоров и свадьба к концу подходила...

Перевод Clandestinus'a. Публикуется с согласия переводчика

ПЕРСОНА

Одной из задач первой русской эмиграции и их потомков было именно возвращение русской духовной традиции, православной веры в Россию — желание передать все то, что было разорено и истреблено в советский тоталитарный и антирелигиозный период. <...> Если теперь появляется хоть маленькая возможность своими статьями и публикациями вернуть хоть частицу старой русской культуры в Россию, то я очень рада.

В. Шеншина